

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-9-25

А.В. Фёдоров

Издательство «Русское слово»,
115035 г. Москва, Российская Федерация

Средняя школа № 1516,
107589 г. Москва, Российская Федерация

«Он все в себе мирил...»: личность и поэзия В.А. Жуковского

Аннотация. В статье предлагается осмысление жизненного и творческого пути В.А. Жуковского, его роли в развитии отечественной литературы первой половины XIX столетия. Общий обзор поэтического наследия Жуковского, характеристика основных жанров и литературных направлений сочетаются с анализом некоторых произведений, наиболее важных для понимания творческой специфики поэта. При рассмотрении биографии привлекается широкий материал мемуарного характера, используются журнальные статьи того времени; высказывания критиков и наблюдения современных литературоведов помогают точнее и полнее уяснить уникальность того места, которое занимает В.А. Жуковский в русской словесности «золотого века». Общим методологическим направлением размышлений о феномене Жуковского, образно выраженном в названии (цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Памяти В.А. Жуковского»), можно считать утверждение о гармонической природе творческого дарования поэта, его высоких нравственных качествах и подлинной христианской вере, что не могло не сказаться на произведениях, всегда проникнутых идеалом и органично соединяющих эстетическое совершенство и воспитательную ценность. Открывая стихи Жуковского, первого русского поэта-романтика, гениального переводчика, наставника будущего императора, автора слов гимна «Боже, Царя храни», друга и поэтического учителя Пушкина, просветителя, гения-хранителя, мы впускаем в свою душу тишину и свет, что дает силы противостоять житейским грозам, напоминает о вечности.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, романтизм, сентиментализм, лирика, элегия, баллада, перевод, педагог

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Фёдоров А.В. «Он все в себе мирил...»: личность и поэзия В.А. Жуковского // Литература в школе. 2020. № 2. С. 9–25. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-9-25

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-9-25

A.V. Fedorov

Publishing House "Russkoye slovo",
Moscow, 115035, Russian Federation

Secondary School № 1516,
Moscow, 107589, Russian Federation

"He tolerated everything in himself...": The personality and poetry of V.A. Zhukovsky

Abstract. The article offers an understanding of the life and creative path of V.A. Zhukovsky, his role in the development of the Russian literature of the first half of the XIX century. The general review of Zhukovsky's poetic heritage, characteristic of the main genres and literary directions are combined with the analysis of some works that are most important for understanding the creative specificity of the poet. When considering the biography, a wide range of memoir material is involved, journal articles of the time are used; the critics' statements as well as the modern literary scholars' observations help to understand more precisely and fully the uniqueness of the place occupied by V.A. Zhukovsky in the Russian literature of the "Golden age". The general methodological direction of reflections on the phenomenon of Zhukovsky, figuratively expressed in the title (quote from F.I. Tyutchev's poem "In memory of V.A. Zhukovsky"), can be considered a statement about the harmonious nature of the creative talent of the poet, his high moral qualities and genuine Christian faith, which could not but affect the works, always imbued with the ideal, organically combining the aesthetic perfection and educational value. Opening the poems of Zhukovsky, the first Russian romantic poet, genial translator, mentor of the future Emperor, author of the words of the hymn «God save the Tsar», friend and poetic teacher of Pushkin, educator, guardian genius, we let into our soul the silence and light that gives us strength to resist everyday thunderstorms, reminds us of eternity.

Keywords: V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, V.G. Belinsky, romanticism, sentimentalism, lyric poetry, elegy, ballad, translation, teacher

CITATION: Fedorov A.V. "He tolerated everything in himself...": The personality and poetry of V.A. Zhukovsky. *Literature at School*. 2020. No. 2. Pp. 9–25. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-9-25

Знать Жуковского и не любить его было дело невозможное.

Ф.Ф. Вигель

...душа чистейшая, благороднейшая; простота и прямота души его просто детские. Смело можно сказать, что подлость и неправда никогда не коснулись его души...

А.И. Кошелев

Можно ли по тому, что и как пишет человек, судить о его личности – характере, мировоззрении, отношениях с окружающими? Расхождения между творчеством и биографией иногда настолько разительны, что невольно возникает вопрос: а где же он был самим собой, в общении с современниками или в разговоре с потомками, в жизни или в книге? И почти всегда подобное недоумение будет тревожным сигналом: либо недостаточности наших знаний об этом писателе, либо трагической надломленности его судьбы. Тем важнее и значительнее примеры гармоничного соответствия таланта и характера, образа и реального человека. «Писать, и при этом правило: жить, как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков»; «Я жил как писал: чист и мыслями и делами...» [5, с. 209], «И для меня в то время было / Жизнь и поэзия – одно»¹. Василий Андреевич Жуковский имел полное право сказать о себе именно так. Обращаясь к воспоминаниям современников поэта, мы видим их полное единодушие в нравственной оценке этой личности – тихой и светлой. Открывая книгу стихов Жуковского, мы те же самые тишину и свет впускаем в свою душу.

¹ Здесь и далее стихотворения Жуковского цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 20 т. (1999) [8].

Но, конечно, эта гармония не означает безоблачной жизни².

Дар благодарности

И.А. Бунин, говоря о своих предках, однажды назвал среди них Василия Афанасьевича Жуковского. Загадочные на первый взгляд слова указывают на первую драму в жизни Жуковского – драму рождения. Действительно, отцом Василия был русский помещик Афанасий Иванович Бунин, а матерью – пленная турчанка Сальха (в крещении – Елизавета Дементьевна Турчанинова). У Афанасия Ивановича была законная супруга Мария Григорьевна, которая приняла Василия в семью и воспитала, как родного. Но все равно по законам того времени мальчик считался незаконнорожденным и не имел прав на наследственное дворянство. Поэтому и фамилию, и отчество он получил от соседа Буниных – бедного дворянина Андрея Жуковского, который был крестным отцом ребенка, а потом и формально усыновил его. Несмотря на внешнюю двусмысленность своего положения, мальчик очень скоро стал настоящим любимцем семьи, причем всеобщее внимание и забота его не избаловали, а научили благодарности. Это качество станет одной из важнейших симпатичных

² См. подробнее: Гулин А.В., Романова А.Н., Федоров А.В. Литература. 9 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 1. М., 2019 (глава «Василий Андреевич Жуковский»).

черт Жуковского – человека и поэта, поможет ему в жизненных испытаниях и душевных сомнениях. Великое свойство: видеть в мире и людях прежде всего светлое, доброе; чувствовать милость и заботу Творца, мудрость его Провидения, смиренно принимать жизненную долю – с благодарностью и без ропота. Никто, кроме Жуковского, не мог сказать так о смерти близких людей:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их *нет*,
Но с благодарностию: *были*.

Эта душевная открытость, восприимчивость к добру соединялась в Жуковском с мечтательностью. Вот как описывает его в своих воспоминаниях племянница Анна Петровна Зонтаг: «Он был строен и ловок; большие карие глаза блистали умом из-под длинных черных ресниц; черные брови были как нарисованы на возвышенном челе; белое его личико оживлялось свежим румянцем; густые, длинные черные волосы грациозно вились по плечам; улыбка его была приятна, выражением лица умно и добродушно; во взгляде заметна была, даже в детстве, какая-то мечтательность» [5, с. 142].

Друзья и музы

После тульского народного училища Василий Андреевич поступил в Московский университетский благородный пансион. Особое внимание в этом учебном заведении (среди знаменитых выпускников – А.П. Ермолов, А.Ф. Вельтман, В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов) уделялось развитию творческих способностей воспитан-

ников, в частности, занятиям литературой. В 1799 году было создано литературное общество – «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона», первым председателем которого стал Жуковский.

В 1801 году кружок друзей единомышленников (А.Ф. Мерзляков, А.И. Тургенев, А.Ф. Воейков, В.А. Жуковский) оформился в Дружеское литературное общество. Такое объединение стало одним из первых в ряду многочисленных литературных кружков и обществ первой трети XIX столетия. Объяснения этой кружковой «моды» следует искать, наверное, не только в области искусства: начиная с эпохи Екатерины II, дворянское вольнодумство стало своеобразной приметой высокого интеллектуального развития и доказательством желания принести пользу Отечеству. Конечно, в этом нередко сказывалось бездумное подражание европейскому Просвещению и масонское влияние. Иногда вполне безобидные по своим изначальным декларациям общества постепенно превращались в тайные организации, не просто оппозиционные правительству, но и опасные для государства в целом.

Жуковский обладал неким нравственным иммунитетом, не раз спасавшим его как от участия в сомнительных объединениях, так и от дворцовых интриг и схватки честолюбий. Его уверенность в том, что каждый человек должен жить не для себя, а для общего блага, была не политической позицией, а глубоким чувством. Вот что он пишет своему другу А.И. Тургеневу в 1805 году: «Надобно сделаться человеком, надобно прожить не даром, с пользою, как можно лучше.

Эта мысль меня оживляет, брат! Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни; что должен возвысить, образовать свою душу и сделать все, что могу, для других» [5, с. 158]. А вот его педагогическое послание своей юной ученице Маше Протасовой:

Младенцем быть душою,
Рассудком созреть;
Не тела красотою,
Любезностью пленять...
Быть в дружбе неизменной,
Любя, душой любить,
Супруги сан священный
Как дар небес хранить...
Вот счастье, друг бесценный.

На полях книги, которую читала Маша, Жуковский написал однажды: «О пользе несчастья. Мотив для размышления». Пожалуй, именно с этим «мотивом» и будет связано главное испытание в судьбе Василия Андреевича, ведь истинными убеждения становятся только тогда, когда они выстраданы. И проверены жизнью.

Счастье отречения

Мария Андреевна Протасова была племянницей Жуковского, дочерью его сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой (урожденной Буниной). Двум девочкам, Маше и Саше, их дядя преподает русскую и зарубежную словесность и историю. В молодом литераторе пробуждается настоящий педагогический талант, который позднее станет его вторым призванием. Но сейчас в нем постепенно пробуждается еще и глубокое искреннее чувство – возвышенное и романтическое. И обреченное, хотя и взаимное. Три года он не решается

в нем признаться ни своей избраннице, ни ее матери, словно предчувствуя невозможность счастья. Брак между столь близкими родственниками был предосудителен, да и сам Жуковский не мог считаться завидным женихом ни по рождению, ни по материальному состоянию. Пылкое сердце и чистая душа – несерьезный капитал, по мнению суровой матери Екатерины Афанасьевны, которая на сватовство своего брата в 1808 году отвечает решительным и жестким отказом. Судя по всему, она к тому же не верит в подлинность его чувства к Маше, считает придуманным и «книжным» романтическое поклонение. В дневнике Жуковского в 1810 году появляется пронзительная запись: «Работать или мыслить о работе есть обыкновенное, всегдашнее мое положение. Работа средство к счастью, она же и счастье» [Там же, с. 165]. Как будто настойчиво, но не слишком уверенно пытается поэт убедить самого себя в том, что никак не хочет принимать его страдающая душа. Надежда еще теплится... Наступает великий исторический момент – 1812 год; Жуковский уходит в ополчение и становится прославленным «певцом во стане русских воинов». Любопытно, что в этом патриотическом стихотворении, где заново и по-новому зазвучал весь классицистический опыт высоких торжественных гимнов, тема любви становится одним из последних ключевых аккордов – и в этих строчках слышится биение сердца конкретного человека, волею судьбы разлученного с возлюбленной, помнящего о ней и в пылу сражения, и в ожидании боя:

Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья³.

Но мать остается непреклонной. «Увы! Слова, которые шли от сердца, не нашли никакого доступа к сердцу строгой женщины! Она холодно укрылась за церковные запрещения...» [5, с. 167], – так вспоминает об этом давний друг поэта и его биограф К.К. Зейдлиц. И мнимая «замена счастью» – работа – уже не помогает: «Мы расстанемся и всему конец... Если бы счастье, что бы я написал! Но как же велеть душе летать, когда она вязнет в тине? Поэзия есть счастье, то есть тишина души, надежда в будущем, наслаждение в настоящем. Как иметь стихотворные мысли, когда это все погибло» [Там же, с. 172]. «Лучшего в жизни, семейственного счастья, единственного, которого мог я желать, я иметь не буду»; «Каждая минута напоминает мне о том, чего я лишен... Дойти до гроба дорогою печали. Более ничего!»; «На свете много прекрасного и без счастья!» [Там же, с. 172, 175, 177].

Сколько невысказанной боли бьется в последнем афоризме! Что испытывает Василий Андреевич, благословляя возлюбленную на брак? Продолжая общаться с Марией Мойер и ее достойным супругом, переписываясь, посещая их дом в Дерпте? Соб-

³ Стихотворение, благодаря которому В.А. Жуковский стал известен и любим читающей публикой, очевидно ориентировано на высокие образцы классицистической традиции. Однако, по словам современного ученого, «одический стиль у Жуковского теряет свойственный классицизму холодноватый рационализм, приобретает эмоциональное, личностное звучание, потому что Жуковский искусно сплавляет его со стилем элегическим» (Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: в трех частях. Ч. 1. 1800–1830-е годы. М., 2007. С. 77).

ственными руками отдать свое счастье, отказаться, смириться... И ведь не только свое! Маша – верная ученица, но прав ли учитель? Нет ли в таком смирении страха перед трудностями и перед ответственностью? За какой чертой отречение начинает напоминать предательство? Не обернулась ли мягкость – мягкотелостью, безвольным следованием течению обстоятельств? В конце концов, разве любовь не должна быть сильнее запретов и условностей?

Не будем выносить приговора, прикасаясь к этой трагедии, просто почувствуем, как тяжело обоим – связанным общими воспоминаниями и чувством, которое никак не хотело «проходить». И не прошло. «С какой бы радостью отдала бурную свою остальную жизнь за то, чтоб мой *ангел милый*, хранитель теперь приехал» [Там же, с. 175]; «Ангел мой Жуковский! Где же ты? Все сердце по тебе изныло. Ах, друг милый, неужели ты не отгадываешь моего мученья?.. Ты мое первое счастье на свете... Ах, Боже! Дай мне моего Жуковского!» [Там же, с. 194].

Мария умерла в 1823 году во время вторых родов.

Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки...

(«Певец во стане
русских воинов»)

Через пятнадцать лет другой великий поэт Ф.И. Тютчев, потрясенный смертью жены, напишет Жуковскому: «Вы принесли с собою то, что после нее я более всего любил в мире: отечество и поэзию... Не вы ли сказали где-то: *в жизни много прекрасного и кроме счастья*. В этом слове есть целая

религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастья» [5, с. 235].

«Страдание и радость становятся пением»

Не правда ли, есть в этом какая-то несправедливость – из личных трагедий и сломанных судеб поэтов рождаются чудесные строки, радующие читателей? Неужели художественные обретения невозможны без жизненных потерь, а вдохновение – дитя расставаний? Позднее А.А. Ахматова скажет: «Одной надеждой меньше стало – / Одной песней больше будет». Жуковский вряд ли согласился бы с этим. Может быть, мы слишком «узко», эгоистично понимаем, что такое утрата – и что такое обретение? Ни общество, ни чья-то злая воля, ни стечение обстоятельств не могут отнять того, что даровано свыше. В том числе надежду. Поэзия и помогает человеку осознать духовный смысл бытия, ценить его, стремиться к нему. «Поэзия, идущая рядом с жизнью, товарищ несравненный», – признается однажды Василий Андреевич [5, с. 184]. И цитирует немецкого классика, с которым был знаком лично: «Гете сказал про поэзию: *Leid und Freude wird Gesang*⁴. Он прав – поэзия единственное верное *земное* утешение. Но Гете, если бы мог, должен бы был выразить это и так: *Leid und Freude wird Gebet*»⁵. Не правда ли, принципиальная поправка?

В русскую литературу Жуковский вошел после вольного перевода элегии английского поэта Т. Грея «Сель-

ское кладбище». Что же так поразило русскую публику в этом стихотворении, которое фактически стало первой «нотой» всей лирики Жуковского? В течение нескольких десятилетий отечественный читатель был убежден, что истинное вдохновение гремит возвышенной одой, посвящено значительным событиям и воспламеняет гражданские доблести (хотя уже многие стихотворения Г.Р. Державина этому стереотипу не соответствовали). А в поэзии Жуковского сразу зазвучала, кажется, абсолютно новая интонация: тихая печаль, меланхолическое размышление о бренности земного бытия, воспоминание о промелькнувшей юности и ушедших друзьях, – словно приглашение погрузиться вместе и читателю, доверительное обращение к нему как сочувственному собеседнику. И душа невольно откликается на такое обращение, ведь эмоциональный строй поэтической речи направлен на то, чтобы вызвать в нас похожие ощущения. Лирика обретает свое прямое значение – «выговаривания» души, и вместо условной маски торжественного одописца, или игривого эпикурейца, или идеального пастушка перед нами – лирический герой, то есть непосредственное проявление самого поэта.

Однако похожие мотивы присутствуют и в поэзии старших современников Жуковского – сентименталистов И.И. Дмитриева и Н.М. Карамзина («Меланхолия», например). Да и в прозе Карамзина эта эмоциональная связь между автором-повествователем и сочувственным-читателем была установлена практически теми же риторическими приемами. Вспомним начало «Бедной Лизы»: «Ах! Я люблю те предметы,

⁴ Страдание и радость становятся пением (нем.).

⁵ Страдание и радость становятся молитвой (нем.).

которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!» В связи с этим некоторые ученые относят творчество В.А. Жуковского к сентиментализму, подчеркивая близость его художественного мировоззрения поэтике и проблематике этого литературного течения. Как утверждает А.Н. Веселовский, «поэзия Жуковского – это поэзия сентименталиста карамзинской эпохи, прожившего на островах блаженных в ожидании будущего, которое осуществило бы идеалы его прошлого» [3].

Правда, следует иметь в виду, что к началу XIX века сентиментальные образы стали, что называется, «расхожей монетой», неким набором штампов, «сигнальных» слов, утративших живое непосредственно-эмоциональное содержание. На смену условной риторике классицизма пришла не менее условная «слезливость», вместо античных имен и витиеватых метафор книги заполнились кладбищами, луною, развалинами старинных замков, воспоминаниями о несчастной любви, сердечными печальными тайнами... При бездушном тиражировании всему этому не хватало главного – искренности. Даже рассказчик и чувствительный лирический герой стали масками, дополнили «набор инструментов» для воздействия на читателя. Жуковский же никогда не играл ролей в своей лирике – любое чувство в его стихах прожито, согрето сердечностью, окрашено неповторимой личностью.

Лирика Жуковского во многом близка сентиментализму⁶, но тради-

ционно все-таки ее относят к романтическому направлению. Более того, именно Жуковского называют первооткрывателем, «Колумбом» романтизма в отечественной литературе. Прежде всего, так считали его современники, а затем это мнение закрепилось и в научной литературе последующих веков. По словам В.Г. Белинского, «он призван был на другое, великое дело: осуществить через поэзию в своем отечестве необходимый момент в развитии духа, момент, выраженный в жизни Европы средними веками, одухотворить отечественную поэзию романтическими элементами. Жуковский по преимуществу *романтик*» [1, с. 507].

Вряд ли здесь имеет смысл устраивать научную полемику и выяснять – кто прав, а кто заблуждается. Литература – не набор условных схем и безликих типов, на которые можно наклеить соответствующие ярлыки. Она – живой процесс, приобретающий неповторимое своеобразие в каждом из своих деятелей. Как раз на примере творчества Жуковского можно прикоснуться к этой тайне «живой жизни», к индивидуальному сплетению и взаимодействию разных эстетических систем в художественном мире писателя. Вообще смена направлений в историко-литературном процессе – не только и не столько борьба и полемика, сколько органичное наследование. Предыдущее направление, выполнив свою художественную задачу, постепенно уступает место новому, оставляя для достижения новых целей свои главные открытия и свершения. Так романтизм многое берет у сентиментализма – и культ чувства, и жанровую свободу, и внимание к внутреннему, душевному миру, и непосредственно-

⁶ Однако сам поэт, скорее всего, осознает духовную опасность чрезмерно развившейся «чувствительности сердца», отзываясь о печальной кончине В.А. Озерова, что его «чувствительность сразила» [10, с. 138].

личное авторское присутствие в произведении, и образ природы в соотношенности с «натурой» человека... Да и сам романтизм оказался весьма широким понятием, допускал огромное количество «оттенков» и вариаций, а для самих романтиков еще и служил общим обозначением «нового» в искусстве. Такой безусловной новостью для читающей публики стало элегическое творчество Жуковского (кроме «Сельского кладбища» это «Вечер», «Славянка», «На смерть фельдмаршала графа Каменского», «На кончину Ее Величества Королевы Виртембергской», «Море», обозначенные самим поэтом как элегии). Выбранный жанр как нельзя лучше отвечал душевной организации поэта и во многом благодаря ему на долгие годы стал едва ли не самым популярным лирическим жанром в русской литературе. При общих неизменных признаках (так называемая «память жанра», восходящая к античной песне о смерти) элегия обладала невероятной «гибкостью» и оставляла немалый простор для поэтической индивидуальности – от пейзажных зарисовок, окрашенных переживаниями, до философских размышлений, медитативной лирики.

Пожалуй, самая известная элегия В.А. Жуковского – «Море». С первой ее строки обращает на себя внимание особый ритм стиха, мы словно слышим морской прибой, словно раскачиваемся на волнах. Это впечатление усиливается повторами *безмолвное море, лазурное море* и одинаковыми синтаксическими конструкциями: «Что движет твое необъятное лоно? Чем дышит твоя напряженная грудь?» Так с самого начала читатель погружается в музыкальную стихию стихотворения, передающую звуковой

«портрет» главного героя – моря. Ведь и шум прибоя, и приливы с отливами, и мерная смена волн – все это природный первообраз ритма в человеческой жизни и в человеческой речи – как смена дня и ночи, времен года, как стук сердца и дыхание... Особую плавность движению поэтической интонации придает выбранный трехсложный размер – амфибрахий, а отсутствие рифмы позволяет поэтической мысли разворачиваться в последовательности, не скованной требованиями строфики.

Попробуем проследить ее развитие в связи с заглавным образом элегии. Прежде всего, это утверждение: ты живо. Тем самым все риторические обращения приобретают особый смысл, фактически перестают быть риторическими – лирический герой задает вопросы *живому* существу, а ведь оно не может быть безответным. И вряд ли многочисленные олицетворения («дышишь», «необъятная грудь», «ласкаешь» и др.) можно воспринимать только как художественный прием, помогающий лучше передать человеческие переживания через аналогию с миром природы. Это важная составляющая художественной философии стихотворения: море не зеркало, в которое глядится герой, а самостоятельное существо. И напряженно-страстные вопрошания о скрытой в нем «глубокой тайне» есть не что иное, как порыв души познать общие законы бытия, погрузиться мыслью в ту самую бездну, которая «очаровывает», приковывает, манит, завораживает... Невозможное и необходимое сливаются в лирическом переживании. А затем звучит и предположение (возможный ответ на вопрос), с которого начинается вторая смысловая часть стихотворения:

«Иль тянет тебя из земныя неволи / Далекое светлое небо к себе?» Так возникает ключевая антитеза: море и небо. Глубина и высота. Земное и неземное, материальное и духовное. Две стихии встречаются здесь. Только они не просто противопоставлены – они связаны в некое единство: небо отражается в море, «делится» с ним своей чистой лазурью, золотыми звездами – непрозрачная бездна моря становится зеркалом для прозрачной воздушной бездны. Так и материя одухотворяется своей связью с Творцом. Не случайно в описании моря появляются нравственные категории: «Ты чисто в присутствии чистом его». Конечно, здесь имеется в виду не буквальная чистота воды... Если продолжить эту символическую аналогию, то и тучи, «разлучающие» море с небом, заставляющие материальную стихию бушевать, «рвать и терзать враждебную мглу», становятся темным наваждением, дьявольским «мороком». И человеческая душа раздирается страстями, когда для нее закрыто небо. А познав однажды эту темную силу, она не способна успокоиться окончательно – смятение и испуг скрываются в ее глубине до нового потрясения или помрачения.

Таким образом, общая картина бытия, колоссальная и грандиозная, как бы отражается в «микрокосме», в духовном мире человека. Стремление постичь тайну моря неотделимо от жажды познать собственную душу, взгляд вовне и взгляд внутрь словно сливаются здесь. «Я» часть мира, подчиненная общим высшим законам, по которым этот мир живет. Вглядываясь в мир, лучше понимаешь себя. Заглядывая в себя, глубже знаешь мир.

«Балладник»

Одна из первых баллад, созданных поэтом, – «Людмила». Ее сюжет, заимствованный из произведения Г. Бюргера «Ленора», мрачен, а финал трагичен. Прежде всего читателей того времени поразила невиданная новизна «внешнего» содержания – фантастическое событие, которое не имеет рационального объяснения. Умерший возвращается в царство живых, чтобы забрать свою добычу. Классицисты с большим недоверием относились к области сверхъестественного, предпочитая аллегории, да и сентименталисты, как правило, не стремились заглянуть за границы реального. Так сама по себе фантастика в балладе Жуковского стала одним из зримых признаков романтизма как нового явления в отечественной словесности. Правда, при внимательном взгляде такой финал обнаруживает свою глубокую внутреннюю закономерность. Ситуация бесплодного ожидания – серьезное испытание для главной героини. И она его не выдерживает. Вот о чем она просит: «Расступись, моя могила...»; вот кого она обвиняет: «Нет, немилостив Творец...»; вот что она утверждает: «С милым вместе – всюду рай». Что же в итоге происходит? Как раз то, о чем она безумно, в своем горестном иступлении просила – перед ней «расступается могила». Людмиле воздается по ее вере. То есть свою судьбу она определила сама и столкнулась с жуткими последствиями собственного выбора. В конце баллады звучит нравственный вывод – как урок и предостережение: «Смертных ропот безрассуден; / Царь Небесный правосуден...»

Дело ведь здесь не только в «преступлении и наказании» Людмилы, но еще и в том, что она сама не понимала, о чем просила, не отдавала себе отчета в прямом и буквальном смысле произносимых слов. Вот почему ропот «безрассуден». Вот почему Людмила перед раскрытой могилой «каменеет, меркнут очи, кровь хладеет». Казалось бы, что страшного, если с милым – всюду рай? В этот момент открывается вся глубина святотатства произнесенных ею слов. Фактически это хула на Бога и (может быть, невольное) призывание дьявола. За каждое слово человек даст ответ, потому что ничто не забывается и не пропадает.

Именно баллады Жуковского стали для современников «первыми ласточками» романтизма: если в элегиях еще было ощутимо влияние сентиментального мироощущения, то фантастические сюжеты с мертвецами, оборотнями, лесными духами и привидениями, всей поэзией народных быличек и поверий могли принадлежать только новому романтическому направлению. По словам В.Г. Белинского, «он ввел к нам *романтизм*, без элементов которого в *наше время невозможна никакая поэзия...* Трепет объемлет душу при мысли о том, из какого ограниченного и пустого мира поэзии в какой бесконечный и полный мир ввел он нашу литературу; каким содержанием обогатил и оплодотворил он ее посредством своих переводов...» [5, с. 249].

Однако неужели перед нами всего лишь переводчик? Не творец, а посредник? Ведь собственных оригинальных баллад у Жуковского не так уж и много: «Двенадцать спящих дев», «Ахилл», «Эолова арфа», «Узник». Переводных же – более

тридцати! Гете, Шиллер, Бюргер, Скотт, Байрон... Может быть, главное поэтическое открытие Жуковского и состоит лишь в том, что он познакомил соотечественников с *чужим* опытом? Так сказать, помог преодолеть границы, языковые барьеры? Миссия сама по себе весьма достойная, но, конечно, недостаточная для звания национального поэта.

«Не раб, а соперник»

В письме к Гоголю Жуковский однажды признался: «Мой ум – как огниво, которым надобно ударить о камень, чтоб из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества, у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [7, с. 543]. Но у этого личного признания есть и серьезное обоснование: «Не опасаясь никакого возражения, мы позволяем себе утверждать решительно, что подражатель-стихотворец может быть автором оригинальным, хотя бы он и не написал ничего собственного. Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» [Там же, с. 409].

Например, баллада «Светлана» не воспринимается как перевод. И даже как переложение (вольный перевод) – тоже не воспринимается. В «Светлане» перед нами – исконно русский женский характер. В отличие от более или менее условной Людмилы эта девушка кровно связана с народным мирозерцанием, с православным доверием к мудрости Творца. Она участвует в русском обряде гадания на суженого – и точные детали («песенки подблюдны», «ярый воск») становятся неоспоримыми приметами национального мира; она смиренно принимает испытания и находит

утешение в горячей молитве, а не в ропоте – и потому в конце концов спасена и счастлива. Действительно, здесь иноземный источник стал лишь предлогом для появления глубоко самобытного произведения. В конце концов, большинство басенных сюжетов И.А. Крылова – тоже заимствованные (кстати сказать, знаменитый афоризм Жуковского о рабе и сопернике прозвучал как раз в статье, посвященной басням Крылова). В том-то и чудо подлинной поэзии: она вырастает на любой почве, если одухотворена талантом. Освоенное чужое становится своим. А может быть, в этом проявилось и одно из свойств нашего народа – «всемирная отзывчивость», как назвал это Ф.М. Достоевский в речи о Пушкине?⁷ А Гоголь, размышляя о русской поэзии, не мог обойти вниманием феномен Жуковского: «Появление такого поэта могло произойти только среди русского народа, в котором так силен гений восприимчивости, данный ему, может быть, на то, чтобы оправить в лучшую оправу то, что не оценено, не возделано и пренебрежено другими народами...» [4, с. 376–377].

Правда, не следует забывать, что Жуковский принципиально утверждает особый характер перевода стихотворного. Если главное достоинство прозаического перевода – точное смысловое соответствие оригиналу, то перед «подражателем-стихотворцем» стоит другая – более сложная

и более творческая задача. Нужно передать не столько буквальный смысл, сколько общее впечатление, интонацию, создать нужное настроение, используя свой фонетический и ритмический инструментарий. К тому же национальная мифология, устойчивые ассоциативные ряды, исторические аналогии, бытовые традиции и даже фразеологизмы у каждого народа разные, и опираться можно только на свой культурный «код», чтобы в душе соотечественника зазвенели те же струны, что и у читателя оригинала. То есть фактически необходимо написать произведение заново.

И в таком широком понимании у Жуковского действительно нет ничего «переведенного» – есть «приобретенное»⁸. В каком-то смысле он открыл для отечественного читателя «окно в Европу», но это окно в русском доме: расширение кругозора отнюдь не означает утрату самобытности.

Однако один перевод стоит в творчестве Жуковского особняком. Никакого соперничества здесь не предполагалось. Но именно этот перевод можно назвать творческим подвигом поэта – подвигом служения родной культуре, приобщения ее к первоисточнику всего европейского искусства. «Я принялся за Гомеру Одиссею... Перевод Одиссеи, если он удастся, будет памятником, достойным отечества» [5, с. 250]. Семь лет самоотверженного труда – и русский читатель на века получил возможность погрузиться душой в нетропливые гекзаметры легендарного древнегреческого певца:

⁷ Ср.: «Гибкость его таланта неоспорима; он способен ужиться со всеми поэтическими преданиями, со всеми предметами, достойными художественного воззрения» (Никитенко А.В. Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности // Отечественные записки. 1853. № 1. С. 15).

⁸ Ср. с впечатлением К.С. Аксакова: «Жуковский передает Шиллера как нельзя лучше, он воссоздает его, так излагает стихи его по-русски, как бы сам Шиллер написал их, если б был русский» [5, с. 240].

Муза, скажи мне о том
многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня,
как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил
и обычаи видел...

По словам Гоголя, «вся литературная жизнь Жуковского была как бы приготовлением к этому делу. Нужно было его стиху выработаться на сочинениях и переводах с поэтов всех наций и языков, чтобы сделаться потом способным передать вечный стих Гомера ... нужно было, наконец, сделаться глубже христианином, дабы приобрести тот презирающий, углубленный взгляд на жизнь, которого никто не может иметь, кроме христианина, уже постигнувшего значение жизни. Вот скольким условиям нужно было выполниться, чтобы перевод “Одиссеи” вышел не рабская передача, но послышалось бы в нем слово живо, и вся Россия приняла бы Гомера, как родного!» [9, с. 253]. И.В. Киреевский даже связывает с плодами трудов Жуковского возможность нового этапа в развитии отечественной литературы: «“Одиссея” Ваша должна совершить переворот в нашей словесности, своротив ее с искусственной дороги на путь непосредственной жизни... Живое выражение народности греческой разбудит понятие и об нашей, едва дышащей в умолкающих песнях» [5, с. 252].

И не только европейская древность увлекает поэта – он создает классическое переложение величайшего из наших древнерусских памятников – «Слова о полку Игореве». В этом обращении от зарубежных поэтов-современников к собственной истории как источнику вдохновения отражается общая романтическая тенденция, открытие национальных культурных сокровищ для современников и буду-

щих поколений. Сказочное творчество Жуковского («Сказка о царе Берендее...», «Спящая царевна») также принадлежит этому движению. Не случайно Гоголь в письме А.С. Данилевскому с удивлением признавался: «Чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русский: ничего германского и прежнего» [Там же, с. 213].

Движение к отеческим истокам вполне осознано самим поэтом, который в письме к А.И. Тургеневу еще в 1810 году замечает: «Что же будет с нашим бедным отечеством, если мы все без изъятия будем пренебрегать его и восхищаться всем, что только не наше. Кому же и сделать любезным русское, как не людям с талантом... Оригинальность нашей поэзии в истории⁹ <...> Поэзия должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. Поэзия принадлежит к народному воспитанию» [Там же, с. 165]. И еще одно признание: «Авторство почитаю службою Отечеству» [Там же].

Поэт-педагог

В 1824 году А.А. Дельвиг в одном из писем Пушкину шутливо сообщает: «Жуковский, я думаю, погиб

⁹ Ср. с письмом Жуковского от 07.12.1851 г.: «Скажите от меня Майкову, что он с своим прекрасным талантом может начать разряд новых русских поэтов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности... Пускай напитается Историею и знанием Природы, и более всего знанием Руси, той Руси, которую нам создала ее История, Руси богатой будущим... Руси Самодержавной, Руси Христианской... пускай проникнет свою душу святынею Христианства, без которой наши знания не имеют цели и всякая Поэзия не что иное, как жалкое сибаритство – русалка, убийственно щекочущая душу» (Новые книги, изданные в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. № 2. С. 164 (Без подписи)).

безвозвратно для поэзии. Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говоря, все время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурку, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовывать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его» [5, с. 200]. Как мы помним, в юности Жуковский уже выступал в качестве учителя – для своих племянниц Саши и Маши Протасовых. В 1817 году его приглашали ко Двору в качестве преподавателя русского языка для великой княгини Александры Федоровны. Теперь же он – наставник будущего императора Александра II.

Отдается он новому делу со всей страстью и ответственностью, ибо понимает, что такое служение Отечеству едва ли не выше поэтического творчества. Точнее, педагогика и поэзия не соперники, а союзники. Он разрабатывает свою педагогическую систему, заимствуя и адаптируя к отечественным традициям опыт европейских мыслителей – Песталоцци, Локка, Руссо. Как и с переводами элегий и баллад, такое заимствование лишь расширение кругозора, а не попытка пересадить на родную почву иноземное растение. Главные нравственные приоритеты Василия Андреевича – вера в Бога, любовь к Отечеству и его народу, историческая ответственность за судьбу государства, милосердие и великодушие – напоминают о воспитании великих князей и русских царей до Смутного времени, о христианском воспитании. Только теперь оно соединяется еще и с определенной творческой составляющей: не только повторять и воспроизводить, но и осмысливать, высказывать свою точку зрения,

защищать ее, аргументировать, творчески пересоздавать и применять знания в новых ситуациях. Не правда ли, многое, что есть хорошего в современной школе, уже «предсказано» Жуковским? Не стоит забывать еще и о личности учителя как важнейшем условии полноценного воспитания – мягкий и сострадательный, но последовательный в отстаивании своих принципов, утверждении своих идеалов, умеющий видеть в человеке прежде всего доброе начало, проникнутый глубокой и вдохновенной религиозностью, горячо любящий Родину и готовый на жертвы и подвиги ради высоких целей – Василий Андреевич самим собой «невольн» воспитывал будущего монарха. Никаких придворных чинов и статуса он не получил и до венчания на царство своего воспитанника (1856) не дожил. Но ни у кого из современников или потомков не вызывает сомнений то, что Россия получила царя-освободителя и царя-мученика во многом благодаря Жуковскому.

Вообще учителем он был по призванию – светлым наставником, который не поучал, но у которого хотелось учиться. А.Ф. Воейков не может решить, «что удивительнее в нем – необыкновенное ли его дарование или необыкновенный его характер... живучи с Жуковским, сам неприметно становишься лучше, выше, добрее» [Там же, с. 187]. Юный Пушкин с благодарностью впитывает уроки поэзии своего старшего друга¹⁰ и до своей трагической гибели находится под заботливым, почти отеческим покровительством Василия Андреевича.

¹⁰ «Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!» (письмо А.С. Пушкина Л.С. Пушкину от мая 1825 года) [5, с. 201].

Жуковский приветствовал его появление в русской культуре [5, с. 178, 201]¹¹, подарив свой портрет с шуточной надписью «Победителю-ученику от побежденного учителя...», оберегал его от необдуманных поступков, старался остудить его излишнюю горячность, хлопотал о смягчении его опалы, об изданиях и публикациях, страстно защищал его, когда критика в 1830-е годы дружно заговорила об упадке пушкинского таланта [Там же, с. 224], – наконец, находился у его смертного одра до последнего мгновения... («Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе...»).

Задолго до универсальной формулы Аполлона Григорьева «Пушкин – наше все» именно Жуковский точно определил значение ушедшего гения для отечественной истории и культуры: «Он просто русский национальный поэт, выразивший в лучших стихах своих, наилучшим образом все, что дорого русскому сердцу...» [Там же, с. 223].

Судьба все-таки подарила Василию Андреевичу семью: в 1841 году, завершив воспитание наследника престола (тот достиг совершеннолетия), Жуковский женится на дочери своего друга-художника Елизавете Рейтерн, переезжает в Германию, где становится отцом. В этот период творческой жизни соединяются воедино его поэтический и учительский дар: увлеченно занимаясь воспитанием своих детей (сына и дочери),

¹¹ «Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лица – там учат дурно!» [5, с. 178].

он пишет для них замечательные сказки «Об Иване-царевиче и Сером волке», «Кот в сапогах», «Мальчик с пальчик», создает множество стихотворений, завершает работу над переводами из мировой литературы, в том числе из древнеиндийской книги басен и притч «Махатбарата». И задумывает грандиозный проект, связанный с воспитанием юношества и в целом – с народным просвещением: большое собрание адаптированных фрагментов библейской истории, фольклорных преданий и сказок, отрывков из поэм Гомера, эпических сказаний разных народов, лучших образцов зарубежной и отечественной поэзии, художественно обработанных сюжетов из русской истории.

Претворить в жизнь задуманное Жуковский не успел, но и сделанное им поражает воображение. И вызывает уважение. Первый поэт-романтик, познакомивший русскую публику с новым литературным явлением. Гениальный переводчик, сделавший достоянием отечественной культуры великие произведения зарубежных авторов. Ополченец двенадцатого года, автор знаменитого патриотического стихотворения «Певец во стане русских воинов». Педагог – наставник будущего императора. Автор слов русского гимна «Боже, Царя храни». Друг и поэтический учитель Пушкина. Просветитель. Гений-хранитель, открывая стихи которого, мы впускаем в свою душу тишину и свет. А это дает силы противостоять житейским тучам и грозам, потому что напоминает о вечности, о том, ради чего и во имя чего стоит жить. И терпеть. «В нем не было ни лжи, ни раздвоенья / – Он все в себе мирил и совмещал...» (Ф.И. Тютчев. «Памяти В.А. Жуковско-го») [Там же, с. 298].

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. III. М., 1953–1959.
2. *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
3. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0100.shtml (дата обращения: 02.12.2019).
4. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. VIII. Л., 1952.
5. *Жуковский В.А.* «Все необъятное в единый вдох теснится...». Избранная лирика. В.А. Жуковский в документах. Стихотворения русских поэтов XIX века, посвященные Жуковскому / сост., прим. В.В. Афанасьева. М., 1986.
6. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. СПб., 1902.
7. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960.
8. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999.
9. *Иезуитова Р.В.* Жуковский и его время. М., 1989.
10. *Котельников В.А.* Что есть истина? Литературные версии критического идеализма. СПб., 2010.
11. *Лазарев В.Я.* Уроки Василия Жуковского. М., 1984.
12. *Левченко О.А.* Жанр русской романтической баллады 1820-х – 1830-х гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1990.
13. *Немзер А.* При свете Жуковского: очерки истории русской литературы. М., 2013.
14. *Семенко И.М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
15. *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800-е – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002.
16. *Шаталов С.Е.* В.А. Жуковский. Жизнь и творческий путь. М., 1983.
17. *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.

References

1. Belinsky V.G. Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. [Works in 13 vol.]. Vol. III. Moscow, 1953–1959. (In Russ.)
2. Vatsyro V.E. Lyrika pyshkinskoy pory. «Elegicheskaya shkola» [Lyrics of the Pushkin era. “Elegiac school”]. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)
3. Veselovsky A.N. V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and “heart imagination”. URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0100.shtml (In Russ.)
4. Gogol N.V. Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. [Works in 14 vol.]. Vol. VIII. Leningrad, 1952. (In Russ.)
5. Zhukovsky V.A. «Vse neob'yatnoe v edinyj vdoh tesnitsya...». Izbrannaya lirika. V.A. Zhukovskij v dokumentah. Stihotvoreniya russkih poetov XIX veka, posvyashchennye Zhukovskomu [“Everything immense in a single breath is crowded...”. Selected lyrics. V.A. Zhukovsky in the documents. Russian poets of the XIX century's works, dedicated to Zhukovsky]. V.V. Afanasyev (ed.). Moscow, 1986. (In Russ.)
6. Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy: V 12 t. [Works in 12 vol.]. Vol. 10. St. Petersburg, 1902. (In Russ.)
7. Zhukovskiy V.A. Sobranie sochineniy: V 4 t. [Works in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow; Leningrad, 1959–1960. (In Russ.)
8. Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy: V 20 t. [Works and letters in 20 vol.]. Moscow, 1999. (In Russ.)
9. Iezuitova R.V. Zhukovskiy i ego vremia [Zhukovsky and his era]. Moscow, 1989. (In Russ.)
10. Kotelnikov V.A. Chto est istina? Literaturnye versii kriticheskogo idealizma [What is the truth? Literary versions of critical idealism]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)
11. Lazarev V.Y. Uroki Vasilija Zhukovskogo [Lessons by Vasily Zhukovsky]. Moscow, 1984. (In Russ.)
12. Levchenko O.A. Zhanr russkoi romanticheskoi balladi 1820-h–1830-h gg. [Genre of Russian romantic ballad of the 1820s and 1830s]. PhD theses. Smolensk, 1990. (In Russ.)

13. Nemzer A. Pri svete Zhukovskogo: ocherki istorii russkoi literatury [In the light of Zhukovsky: essays on the history of Russian literature]. Moscow, 2013. (In Russ.)
14. Semenko I.M. Zhizn i poezia Zhukovskogo [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow, 1975. (In Russ.)
15. Fraiman T. Tvorcheskaya strategiya i poetika Zhukovskogo (1800-e – pervaya polovina 1820-h godov) [Creative strategy and poetics by Zhukovsky (1800s – first half of the 1820s)]. Tartu, 2002. (In Russ.)
16. Shatalov S.E. V.A. Zhukovskiy. Zhizn i tvorcheskiy put [V.A. Zhukovsky. Life and artistic way]. Moscow, 1983. (In Russ.)
17. Yanushkevich A.S. Etapi i problemi tvorcheskoi evolucii V.A. Zhukovskogo [Stages and problems of artistic evolution V.A. Zhukovsky]. Tomsk, 1985. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2020, принята к публикации 10.03.2020

The article was received on 20.01.2020, accepted for publication 10.03.2020

Сведения об авторе / About the author

Федоров Алексей Владимирович – доктор филологических наук; главный редактор издательства «Русское слово»; учитель литературы средней школы № 1516, г. Москва

Alexey V. Fedorov – ScD in Philology; Chief Editor of the “Russkoye slovo” Publishing House; Teacher of Literature at Secondary School № 1516, Moscow

E-mail: fedorov@russlo.ru